

Разгрузочный день

"Натошак не читать"

(Инструкция)

Художник должен быть голодным... обязательно... до обеда. А после обеда он должен спать. Все звери после еды спят. Художник, бросивший своим творчеством вызов обществу, имеет на это право. После сна он должен гулять по наполненным свежим морским воздухом улицам и думать о написанном. Что-то добавлять, что-то зачеркивать. Вернувшись домой, записать не забытое за время прогулки. Ложась спать, он должен думать о приятном. Приятные мысли усыпляют, как мамина рука на плече. А утром... Утром художник снова должен быть голодным...

Вы согласитесь, что художник — это не только живописец или гравер, а и тот, чьи действия не может повторить большинство братьев по разуму, иначе это большинство не заметит брошенный вызов.

Мне иногда удается складно сочинять. Откуда я знаю? Многие критики дочитывают до конца. А потом долго и злобно ругают. Зверя чуют, голодного. Кому художник, в данном случае сочинитель, должен быть голодным? Не важно кому, а важно, что обещал! Поэтому у меня диета, а сегодня еще и разгрузочный день. Вода, вода, вечером можно пару яблок. Во избежание срыва холодильник пуст, как касса после ограбления. За яблоками схожу в магазин вечером, а сейчас — за стол.

Помните, были короткометражки "Кино нашего детства", "Футбол нашего детства"? Я тоже хочу написать о детстве, о его вкусе, точнее, о вкусах. Но не тех, что определяли привязанность к жанру или стилю, а о вкусах в их первоначальном смысле, как реакции пупырышков нашего языка на содержимое ротовой полости.

Тема хорошая. Во-первых, детство. Не все читатели были летчиками и шахтерами, но мимо детства никто из взрослых не проскочил. Во-вторых, вечная история. Многие состояния души, не только любовь, приходят и уходят, а кушать хочется... Особенно сегодня.

Теперь нужен сюжет, события, причем драматургические, когда отношения героев до события одни, а после — другие. Драйв нужен, энергетика по-нашему. Хичкок советовал: "Хорошо, если фильм начинается с землетрясения, а дальше напряжение растет". Вот этот рост и есть драйв. В сюжете нужны завязка, развязка и финал, обязательно счастливый. Иначе денег на картину-трагедию в рыночное время никто не

даст. Хорошо, что в плановое успели снять "Лира" и "Гамлета". Так, шуточки в сторону.

Сюжет. Как про бублики по пять копеек с колбасой по двадцать две кино придумать?

Вариант первый. Приезжает в родной город человек, который лет тридцать как окончил школу и уехал учиться в Москву или еще дальше, в Томск. Там поступить было легче. Потом к нему родители переехали и жили они там долго и счастливо. Однажды пришло ему письмо от соучеников, что собираются отмечать 30-летие окончания школы. Наш герой собрался, приехал на день раньше, чтобы по улицам самому побродить, детство вспомнить. Вещи на вокзале в камере хранения оставил, вышел в город, а кошелек нет, потерял или еще хуже... И бродит он по городу голодный, как я сейчас, и вспоминает. И мы вместе с ним эти воспоминания видим через кинохронику или кадры старых фильмов. И еще время от времени он куда-то звонит по мобильному, а там не отвечают. Это будет не текст, а подтекст. Может, он в свое детство звонит, безответно... Мобильный обязательно нужен, так как в счастливом конце ему позвонит честный прохожий, который нашел кошелек, а там были его визитки. Вместе с честным прохожим они идут в ресторан и там заказывают... столько вкусного. Стоп-кадр.

Вариант второй. Учился мальчик в школе в огромной и счастливой стране, а родители его так от этого счастья устали, что уехали за океан и его с собой забрали. Прошло тридцать лет, он прилетел в родной город по делам фирмы, где работает, а багаж его потерялся, временно, до счастливого конца. Но наш герой об этом не знает и очень расстроен, потому что в спешке портмоне с деньгами и кредитками в чемодан сунул. И гуляет по городу, голодный, как я сейчас, и вспоминает, звонит куда-то. В детство, наверное. А потом ему звонят, багаж нашелся. Он сразу в аэропортовский ресторан — и там заказывает... столько вкусного. Стоп-кадр.

Вариант третий. Жил-был мальчик, попал в плохую компанию, и что-то они с друзьями натворили. А когда он вышел, опять что-то натворил, потом вышел и снова натворил. В общем, вернулся он в родной город лет через тридцать. Остановился у товарища, с которым вместе творил. Тот ушел на работу, а наш герой вышел на лестничную площадку туфли почистить, дверь захлопнулась, — хорошо, что время летнее, и он в начищенных туфлях гуляет по родному городу и вспоминает, голодный, как я сейчас. А счастливый конец? Он своего товарища на улице встретил до наступления желудочных колик, и они вместе пошли в ресторан и там заказали... столько вкусного. Стоп-кадр.

Сюжет практически есть. Как говорили на партсобраниях, примем за основу. Варианты можно комбинировать, сейчас их нужно наполнить содержанием, эпизодами.

Вот он заходит в казино, в зал игровых автоматов, крутятся на барабанах яблочки, сливки, грушки, а там когда-то был овощной магазин. И на том месте, где стоит стол под зеленым сукном, и стройная барышня-дилер карты сдает, стояла пышногрудая продавщица неопределенного возраста и торговала соками...

В обязательном ассортименте были томатный, виноградный и яблочный. В конусообразных тубах, как три богатыря, они украшали почти все гастрономы в больших городах. К томатному обязательно полагалось два стакана. Один с солью, как правило, крупной, с "кровавыми" следами сока, второй с мутно-красной смесью сока и проточной воды. В нем торчала одна, редко две алюминиевые ложки, которыми размешивали соль. Сок на глазах у покупателей продавщица переливала из трехлитровых бутылей в тубы с краниками в узкой нижней части. Повернет продавщица краник — и пенящийся напиток наполняет граненый стакан, только что вымытый на твоих глазах мойкой-фонтанчиком, таким мини-биде. Разбавляли соки редко, больше зарабатывали на недоливе, наливая их в 150-граммовые стаканы, куда положенным двумстам граммам поместиться не удавалось. Потом тубы выпускать прекратили. Им на смену пришли графины, из которых наполняли все те же граненые стаканы. Примерно тогда же витаминный треугольник превратился в квадрат — на прилавках появился березовый сок — прозрачная водичка со вкусом свеженарубленных дров.

Моим любимым был томатный, обязательно с солью, долго размешиваемой в стакане, но так и не растворявшейся до конца. Оседавшей сизыми хрусталиками на дне и делавшей последний глоток сока глотком морской воды. Никто не нес тогда в массы информацию о вредности вареных томатов. Никто не писал на трехлитровых бутылках, что их содержимое вредит вашему здоровью, ведет к облысению, импотенции, падежу скота и индекса Доу-Джонса... Впрочем, и сегодня этого никто не пишет...

Обычно я выпивал три стакана в день, растягивая удовольствие, пил по стакану в разных магазинах, пропивая выдаваемые мне тридцать копеек на завтрак. Родители к редкой форме алкоголизма относились снисходительно настороженно.

А как вкусны были с томатным соком пирожки и их старшие братья — чебуреки! Пирожки, почерневшие от многократно пережаренного масла, были с мясом, ливером (т. е. с печенкой), бутером (т. е. с остальными внут-

ренными органами), картошкой, капустой и, наконец, с горохом. Были еще пирожки с повидлом, но с томатным соком они не сочетались. Стоп-кадр.

Хватит о любимом соке на голодный желудок. Я пошел на кухню, выпил литр минералки. Чувство голода захлебнулось и опустилось на дно. Работаем дальше.

Выходит наш герой из казино и заходит в магазин, торгующий золотом. А когда-то на этом месте было кафе-мороженое. Перед ним на улице стояла будка, где продавали завернутые в блеклую обертку стаканчики с пломбиром и сливочным. Сливочное стоило девять копеек, дешевле было только фруктовое на палочке, за шесть. Это была замороженная сладкая водичка, теперь она называется "сорбет" и подается в дорогих ресторанах между блюдами, чтобы вкус предыдущих не влиял на вкус последующих. Пломбир был разным: и по 15 копеек, и по 19. Линии по производству "эскимо" по 11 копеек в нашем городе не было, зато было "ленинградское" в шоколаде на палочке по 22, а самым дорогим было мороженое по 28 копеек, с орешками. Но это на улице. А в кафе в железные вазочки мороженое отпускали на развес. Двести грамм — четыре разноцветных шарика. Триста — шарики еле помещались в вазочке. Как правило, эта доза заканчивалась ангиной для тех, у кого еще были гланды, или фарингитом для тех, кто с ними уже расстался. Иногда это делалось умышленно, чтобы недельку поваляться дома и не писать контрольную по математике. Уберечь от простуды должна была теплая газировка, которой нужно было запивать съеденный шарик.

Стоя в очереди, многие не отрываясь смотрели на мини-половник, который опускался в теплую воду, перед тем как добыть из железной банки шарик клубничного, шоколадного или ванильного пломбира. Многим уставшие от ангин и ОРЗ родители запрещали есть мороженое на улице и в кафе, предлагая в качестве замены подогретое дома, "жареное", как мы его называли. Жалкое подобие. Кое-где продавали мягкое мороженое. Красивое, изящными струйками наполнявшее вафельные стаканчики на ваших глазах, но водянисто-невкусное. То ли не все в эти аппараты закладывали, то ли не все, что красиво, — вкусно. Многие потом убедились в этом на других примерах...

Рядом с ювелирным находится офис мобильной связи, а когда-то там был самый вкусный магазин — кондитерский. Начнем с пирожных. Пирожные, как и люди, были разными, а стоили одинаково. Социализм. Равенство. Пирожные — 22 копейки, люди — дороже. Самыми популярными были "трубочки". Остряки шутили: "Честный ребенок любит не маму с папой,

а трубочки с кремом". Еще любили "корзинку", "слойку" и те, что делались из кондитерских остатков, — "картошку". В нашем городе была линия по производству шоколадно-вафельных пирожных. Тоже по 22 копейки. А в Москве таких линий не было. Наверное, для того чтобы там тоже чего-то не было, как у других. Социализм. Равенство. Поэтому командировочные в столицу обязательно везли перевязанные бумажными канатиками коробки. Сейчас канатики заменили разноцветными ленточками. Бумажные канатики остались в детстве вместе с бумажными солдатиками Окуджавы...

В соседний отдел всегда стояла очередь. За конфетами. В этом была некая педагогика. Потом всю жизнь "за конфетами" придется стоять в очереди...

Из шоколадных, дорогих, самые вкусные были "Белочка", "Мишка на Севере". Из дешевых — леденцы, соевые батончики, ириски "Золотой ключик". Большой популярностью пользовались карамельки с вязко-приторным наполнителем с загадочным, по крайней мере, для меня, названием "Рачьи шейки". Какое они имели отношение к обреченному на мученическую смерть подвиду членистоногих, я так и не понял, прожив добрую, потому что первую, половину жизни... На липкой обертке изображались веселые раки, про которых одна кулинарная книга писала: "Раки любят, чтобы их варили живыми".

Раков мы ели редко. В те годы из уст в уста передавалось правило: раков можно есть только в те месяцы, в названии которых присутствует буква "Р". Поскольку большинство этих месяцев приходится на холода, то кто же знал, где раки зимуют? А сейчас правило изменилось: если есть деньги, то есть можно все.

Так, хватит про кондитерский, пошли в колбасный. Сейчас тут магазин модной одежды, а раньше был гастроном, а в нем колбасный отдел. Ассортимент в нем по мере приближения победы развитого социализма сокращался. Нас, детей, это не очень расстраивало, потому что наша любимица "докторская" оставалась в нем до самого социалистического конца. За что мы ее любили? Наверное, за отсутствие вкраплений сала и жира. Цена все годы оставалась неизменной — 22 копейки за сто грамм. Правда, мяса в ней становилось все меньше и меньше. Сейчас нечто похожее происходит с ценами за квадратный метр недвижимости. Обещают, что они расти не будут, но многие боятся, что метр будет все меньше и меньше.

Рядом с "докторской" лежали "любительская", "отдельная", "ветчино-рубленая" и — обязательная часть школьных обедов — "молочные" сосиски в целлофане. Стоп-кадр.

Нужно опять пить воду, чтобы не захлебнуться слюной от воспоминаний о предшественниках хот-догов. Кстати, почему я пишу только про то, что ели, а что пили...

За бутиком, бывшим гастрономом, — "Сигарный дом", здесь продают сигары и сопутствующие им предметы. Пепельницы, наверно. А тогда здесь было заведение общепита. Еда вне дома была едой общественной и происходила на предприятиях общественного питания. В этом помещении на огромной сковороде жарили шашлыки. Запахи разносились по всему кварталу. Порция состояла из равного числа постных и жирных кусочков мяса, политых красным соусом. Их укладывали в тарелочку из металлической фольги. Толщина фольги достигала толщины металла современного автомобиля, но это была одноразовая посуда! Правда, я не помню, чтобы эти тарелочки валялись в урнах. Может, они были многообразными?.. В те времена во многих квартирах в буфетах-горках рядом с чешским хрусталем гордо стояли красивые пустые бутылки "из-под импортного пива" и, поверьте, пустые пивные банки.

Ели шашлыки, стоя у высоких столиков. Жирные кусочки оставляли, постные съедали. Тогда многие столовые и кафешки были стоячими. Партия и правительство готовили народ к фуршетам. На столиках стояла соль, а в пельменных, бывало, — и бутылочка уксуса. Я еще застал время в начале шестидесятых, когда, выполняя решения партии и правительства, общепит держал на столах бесплатный хлеб, горчицу, перец с солью. Это было после объявления Хрущева о том, что "коммунизм не за горами". Как выяснилось, объявить коммунизм можно, построить нельзя. Бесплатный хлеб исчез со столиков вместе со снятым Хрущевым, вскоре за ними последовали горчица и перец, а во многих городах и соль. Исчезнувшим из магазинов перцем стали торговать цыгане, выходцы из страны происхождения пряностей. "Перец, перец, тени, тени, калы, калы!" — кричали они в подземных и наземных переходах, превращая их в прообразы современных супермаркетов, торгующих и косметикой, и цветами, и пряностями.

После шашлыков хочется пить. Теперь о том, что пили, тем более, когда пишешь про питье, есть не так хочется.

Кроме упомянутых соков иногда в продаже появлялись дорогие, импортные, — например, сок манго индийского происхождения. стакан стоил тридцать копеек. Апельсиновый и мандариновый стоили примерно столько же, но производства были грузинского. На вкус соки были горько-сладкими, как жизнь Грузии в сплоченной семье...

Рядом с соками продавали "прохладительные напитки", как правило, теплые. "Освежающий", "Оживляющий", "Лето", "Ситро", "Крюшон" — газировка с сиропом, разлитая в поллитровые бутылки. Особняком держался кофейный напиток невнятного вкуса "Мокко" — наш ответ "Пепси-" и "Кока-колам", вместе взятым.

От жары тогда спасали тень, вентилятор и газировка. "Грязная" была с сиропом и стоила четыре копейки. "Чистая" стоила копейку, еще за копейку можно было купить коробку спичек, их часто давали вместо сдачи. Больше за копейку ничего нельзя было купить. Продавали газировку в будочках, стоящих по всему городу. В них же заправляли сифоны. Заправка маленького стоила 6 копеек, большого — 12. Иногда в них добавляли сироп. Тогда из слоновьего носика появлялась розовая пена. Говорили, что заправка сифонов была делом прибыльным. Экономили не на воде, а как и сегодня, на газе, который в больших баллонах стоял, прижатый к деревянным стенам будочек-полиц.

Выпивая залпом стакан холодной газировки, бившей в нос, в глаза, даже в уши, мы представляли себя взрослыми, выпивавшими залпом стакан водки и с улыбкой заявлявшими, что после первого не закусывают. Как герой Сергея Бондарчука в фильме "Судьба человека".

Вкуснее газировки был только квас. На разлив из огромных бочек на колесах, которые развозили по городу по утрам и собирали на заправку вечером. Они весело громыхали, сцепленные, как вагоны трамвайчика, по несколько штук сразу. Так же развозили по городу и бочки с пивом, но это уже вкусы нашей юности.

За квасом всегда стояла очередь с бидонами и освободившимися от заготовленных на зиму огурцов бутылками. А многие желали пить его на месте, кто из маленькой кружки за три копейки, кто из поллитровой — за шесть. Квасно-пивные кружки некоторые члены очереди называли бокалами. И хотя в их облике не угадывались дворянские предки и учеба в пажеском корпусе, наречение кружки бокалом придавало им легкое обаяние, которое быстро исчезало, когда те начинали из этих кружек пить. Правило "требуйте долива после отстоя" вступало в противоречие с мнением жаждущей кваса очереди, поэтому зарабатывали продавцы на пене. А в перестройку правило превратилось в шутку: "Требуйте долива после застоя".

Тогда, в детстве, нас не волновал ни отстой, ни застой, хотя запомнился один анекдот семидесятых. В Елисеевский магазин заходит старичок и бормочет себе под нос: "Вот здесь до революции лежали осетры, тут икра стояла в бочках, тут корзины с ананасами, кому это все мешало?". Смеялись.

Чтобы рассмешить сегодня, надо рассказывать по-другому. Тот же старичок, тот же магазин. "Здесь раньше продавали газировку по копейке, квас по три, мороженое по девять и колбасу по рублю за килограмм — кому это все мешало?". Интересно, чем будет смешить старичок лет через тридцать?

У продавцов кваса, пива, соков, газировки кроме основных обязанностей была еще одна задача: следить, чтобы стаканы и кружки-бокалы не унесли желающие их пользоваться как временно, так и постоянно. Временно — сиюминутные компании, распивающие на улице то, что пить на улице нельзя. А постоянно — студенты и прочие обитатели многочисленных городских общежитий.

Отсутствие этой функции было слабым местом у автоматов с газводой, пивом и соками. Деньги автомат принимал, иногда наливал за них оплаченную жидкость в количестве, соответствующем настройке, но следить и препятствовать хищению стаканов был конструкторами не обучен. Часто вместо стаканов под отверстием, из которого появлялась живительная влага, висело несколько ос в ожидании жаждущих, которые приходили к автомату со своей тарой, как правило, пустыми баночками из-под майонеза.

Говорят, было предложение заменить стаканы железными кружками на цепи, но оно не воплотилось. Наверное, боялись, что кружки будут уносить вместе с автоматами.

Как-то за океаном друзья пригласили меня в русскую баню. У выхода из парной у бочки с холодной водой висел ковшик-черпак. На толстой колесной цепи... В пионерских лагерях кружки у бачков с питьевой водой тоже были на цепочках, но те были потоньше. Дети — они ведь не очень сильные, пока не вырастут...

Кружки и стаканы мылись на глазах покупателей. Про СПИД еще никто не знал, равно как и про всякие гепатиты. Герпес называли лихорадкой, которая появляется после поцелуев на сквозняке. А как моют стаканы сейчас? Мы этого даже не видим.

Но не будем о страшном... А о чем будем? О вкусном теплом хлебе из булочной, который доносился домой пощипанным. Был белый за 28 копеек с беретиком-горбушкой, а был за 26 копеек — без беретика. Часто купленный за 28 домой попадал за 26. Беретик исчезал по дороге. А плюшки? А сайки? А кукурузные хлопья — предтеча попкорна?

А еще о чем? О вкусной сгущенке. Если банку поварить часа два, молоко в ней превращалось в большую ириску. О печенье, о вафлях с вареньем... Стоп-кадр. Надо еще воды попить.

Вообще, получается не сценарий, а сумбурный физиологический очерк, только не 19-го, а уже 21-го века. Как быстро летит время...

Нужно вкусы систематизировать. Какими они были? Как и люди, они были разными.

Были вкусы будничные и были праздничные. Были сезонные и были запретные. Были даже принудительные. Какие? Ну, например, вкус рыбьего жира, на котором выросло наше поколение, как австрийцы на вальсах. Они на вальсах, а мы на рыбьем жире. Или вкус теплого молока с пенкой. В школе в первых классах надо было пить молоко. Иногда его заменяли киселем из концентрата, и это был праздник. К молоку полагалась маленькая белая булочка. Тогда с белым хлебом в стране была напряженка, а детям эти булочки выдавались в обязательном порядке. Часто в школьном дворе ими играли в футбол. За это ругали. Знали ли ругавшие, что то, что дается даром, — не ценится и взрослыми людьми?

Теперь о вкусах сезонных. Это сегодня у фруктов с овощами распалась связь времен, а тогда первые арбузы были в августе, первый виноград — в сентябре, первая клубника — в мае, первые помидоры — в июне. Апельсины были в авоськах прилетающих из Москвы круглый год. Лимоны из Грузии поступали регулярно, а мандарины только зимой. В общем, летом варили варенье, а зимой пили с ним чай.

Вместе с социализмом ушла радость от первых огурцов и дынь. Осталась — только от потраченных денег.

Теперь о вкусах праздничных. Какой праздничный стол обходился без холодца? Его приготовлению всегда сопутствовала интрига "застынет — не застынет". Утром мы приходили на кухню, открывали холодильник и радостно кричали: "Застыл, застыл!". Варили его по-разному, но самый вкусный был из петуха.

Постоянным соседом холодца на праздничном столе был салат оливье. Давший ему свое имя московский ресторатор и кулинар Люсьен Оливье не мог знать, что этот салат станет символом развитого социализма так же, как винегрет, который был символом недоразвитого. Майонез и горошек покупали задолго до праздников, так как бывали они в продаже редко. В домах побогаче в салат клали куриное мясо или язык, в домах победнее — вареную колбасу, но ни одно праздничное застолье без него не обходилось.

Дефицитные рыбные консервы хранили до праздников. Шпроты, например. Многие думали, что так называется маленькая рыбка, плавающая в Балтийском море, а оказалось, что это способ ее приготовления. Часто соседкой шпротов оказывалась рыбка сайра. Иногда на праздничном сто-

ле появлялись бутерброды с икрой. Кстати, в те годы все именины делились, как рыба, на две категории: с икрой и без икры. По количеству икринок и, соответственно, их расстоянию друг от друга на бутерброде можно было с точностью до десятки определить зарплату хозяев.

Самым популярным десертом был "Наполеон". "Наполеоны" делились на "сухие" — с масляным кремом — и "мокрые", с заварным. Реже встречался торт "Кутузов".

Вкусно было есть в гостях и вкусно было доедать праздничную еду в течение нескольких дней после их ухода. Готовили всегда с размахом и запасом.

Хватит о вкусах праздничных, так можно и слюной ненароком захлебнуться. Переходим к запретным. Стоп-кадр.

Самые вкусные вкусы — вкусы запретные. Кто не знаком с изречением о сладости запретного плода?

Разным детям запрещали разное. Подавляющему большинству запрещали есть семечки. Большой стакан — десять копеек, маленький — пять. Продававшие их бабушки заворачивали семечки в газеты — когда в передовицу "Правды", когда в некролог на последней странице. Но чаще всего семечки заворачивали в листочки из школьных тетрадей и, отлускав стаканчик, можно было познакомиться с мыслями автора о подвиге молодого гвардейцев или образе Печорина. Кстати, бабушки первыми принимали на себя удары борцов с нетрудовыми доходами.

Лускать семечки дома считалось неприличным, на улице — тем более. Единственным исключением был стадион, к радости убиравших его трибуны. Родители часто говорили: "Съесть стакан семечек — это выпить полстакана подсолнечного масла и вылизать языком квадратный метр асфальта", — не помогало. Иногда бабушки продавали белые семечки, кабаковые. Они были дороже и слаще. Черные, подсолнечниковые, подсолненные при жарке, мы любили больше. И хотя цена на них была картельной, ниже пяти копеек за маленький стакан она не опускалась, некоторые бабушки демпинговали, отсыпая нам семечек и на три, и даже на две копейки.

Продукт переработки семечек — козинаки — продавались в подземных переходах с рук, как тогда говорили, не всегда чистых. Для их употребления нужны были еще здоровые зубы, способные разгрызть спрессованные в сладком сиропе семена, а такие были не у каждого.

Из запретного были малосольные огурчики, лежащие рядом с кошелками, наполненными семечками, на газетке, и жадно впитывавшие в себя

свинцовую типографскую краску. Они были намного вкусней своих собратьев размером в мяч для регби, продававшихся в магазинах.

Что касается газетной свинцовой краски, то она соприкасалась с человеческим организмом не только через заворачиваемые в газеты бутерброды и семечки. До массового распространения салфеток различного назначения было далеко. Но мы о вкусах, а не о послевкусии нашего детства.

Вообще, самое вкусное в магазинах не продавали. Признаком достатка была мимоходом брошенная фраза: "Мы питаемся с базара". Сейчас наоборот. Тогда на рынках все было свежее, дороже и вкуснее. Когда вся экономика становится рыночной, можно обойтись без базаров. Наверно. Но мы о вкусном, о том, что продавалось с рук на базарах и улицах. Например, о пшенке, о сваренных початках молодой кукурузы, тайно обломанных на колхозных полях. Иногда продавцы сами посыпали их солью, вручая покупателям, иногда предоставляли это право последним. Съедалась пшенка до последнего зернышка в початке. Сколько приступов аппендицита было спровоцировано вкусом молодой кукурузы, знают только хирурги.

А еще был заморский вкус жевательной резинки, которую привозили моряки и редкие заграникомандировочные. Чаще всего это была жвачка "Wrigley's", известная в народе как "черная стрелка". В школе о возвращении из рейса папы моряка учителя узнавали по дружно жующим на уроках друзьям счастливого обладателя нескольких пачек жвачки. Каждую пластинку разрывали на несколько частей и громко жевали, уже видя себя на обложках еще не виданных западных журналов. "Кто носит майку "Адидас", тот завтра Родину продаст", ну, а кто жвачку жует, тот и до завтра ждать не станет. Официально жвачка попадала в страну только в качестве призов за выигрыш в чешских Луна-парках. Но социалистические жвачки-конфетки сильно уступали по вкусу капиталистическим пластинкам и подушечкам. Ой, как жевать хочется, причем не жвачку.

Я подошел к окну и распахнул его. Ветер с моря наполнял город свежим воздухом, захотелось на улицу. Нет, надо работать.

Что еще вспомнить? А может, хватит про еду? И почему я свои воспоминания называю нашими? Может, другим нравилось совсем другое. Зефиры, мармелад "лимонные дольки", например, а не огурцы на газетке... Кто я такой, чтобы про мои вкусы кино снимать? Лучше напишу сценарий про что-то современное. Про пробку. Машин все больше и больше, наверно потому, что жить все тяжелее и тяжелее. Так вот, сидит человек в своей машине в пробке. У кого-то что-то случилось — и все стоят. Час

стоят, два стоят, машину бросить нельзя, а кушать хочется, и водитель начинает вспоминать... Так, стоп-кадр...

От этой диеты сочинительство скоро перейдет в голодные галлюцинации, а есть дома нечего. Один приятель рассказывал, как давным-давно он выпросил у товарища ключи от пустовавшей квартиры. Ночью они с девушкой так проголодались, что стали искать по шкафчикам что-то съестное. Нашли остатки макарон, пачку панировочных сухарей и бутылку подсолнечного масла. Макароны сварили, а потом обжарили в сухарях — и вкуснее они ничего в жизни не ели. Откуда я про это знаю? Потому что каждый раз, когда они приглашают на годовщину своей свадьбы, угощают гостей макаронами "по-гречески". Да, забыл упомянуть, что квартира была на Греческой улице.

Ну, а мне что делать? Холодильник пуст, а шкафчики? Я заглянул во все отделы. В одном нашел терку с остатками сыра для спагетти, но их было ничтожно мало, да и слизывать с терки было больно. В другом стояла бутылка с подсолнечным маслом на доньшке. Я заглянул под шкафчик. Удача. Там было несколько закатившихся и успевших прорасти картофелин. Неважно. Как вкусны они были с чуть горьким, но таким ароматным жареным маслом, посыпанные хрусталиками крупной поваренной соли!

Поем и лягу спать, думал я. Имею право. А после сна пойду гулять по наполненным свежим морским воздухом улицам и буду думать о написанном. Вечером вернусь и допишу про молочные коктейли, про компот на даче и про многое другое, что осталось в детстве и памяти.

Доев картошку, я вымыл тарелку и лег на диван. Уснул быстро, как будто мамина рука лежала на моем плече...

Сентябрь 2007 г.
Одесса

